

Коме. правд. - 1992. - 6 окт. ИСТИНА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕНОР

Людвиг ван Бетховен под конец жизни оглох и не мог слышать свою музыку. Александр Людвигович Комаров-Воиновичек слышит даже шепот. Правда, с собой он носит обычную визальную спицу, которой в случае непонятной для непосвященного надобности производит какие-то манипуляции в своем ухе...

Непосвященные сами ни о чем не догадывались. И когда Комаров рассказывал им свою тайну, очень удивлялись и подчас не могли поверить. Поэтому он предпочитал не рассказывать. И хотя всю жизнь приходилось что-то скрывать, Комаров страдальцем себя не считает. Во-первых, ему просто было некогда. Во-вторых, он не любил плакаться ни в чью жилетку.

У человека пять органов чувств. И когда он теряет один из них, наверное, необходимо какое-нибудь шестое чувство, чтобы не пасть духом.

У Комарова все было гораздо серьезнее. Болеть он начал после перенесенной в детстве инфекции — каких только не было осложнений. С двенадцати лет начал слабнуть слух. Жизнь стала промежуток от одной больницы койки до другой. Несколько операций. Несколько клинических смертей — Комаров по сей день помнит ощущения при переходе «оттуда сюда». Удалено среднее ухо — и справа, и слева. Поражен вестибулярный аппарат...

Мать Саши преподавала в школе литературу. Отец был кадровым военным, хорошо знал Блюхера и Тухачевского, в известное время чудом избежал репрессий. Семья была старого образования, с разными интересами и увлечениями. С детства Саша был приучен к классической музыке. Заслушивался и популярными в то время неаполитанскими песнями. Окончил музыкальную школу. Пел вполне сформировавшимся драматическим тенором.

Но теперь он может слышать только звуки из орущего радиоприемника. Да и то только если поднести его к самому уху. В 19 лет Комаров стал инвалидом 2-й группы. Если не дано уже музицировать, он хотел бы поступить в технический вуз. Ведь занимался радиолюбительством, все время что-то паял и винтил. Но и такой возможности нет: мало кому удастся обойтись необходимой 286-ю медицинской справкой. Официально она не отменена и до сих пор — получается, что инвалиды в нашей стране не имеют права на высшее образование. «КП» писала уже о девочке Лене, которая может, не слыша, напеть запомнившуюся с детства «Беловежскую пушу», а людскую речь воспринимает каким-то неизученным доселе, быть может, шестым чувством. И всю жизнь ей приходилось скрывать способность разбирать слова. Чтобы не перевели из своего класса в школу для глухих. Чтобы не выгнали с работы, посадив на инвалидную пенсию...

Комаров понял: система,

устаи своего основателя признавшая бетховеновскую «Аппассионату» «божественной, нечеловеческой музыкой», не стала от этого человечнее относиться к глухим музыкантам.

Почему отец, человек далеко не наивный, прошедший всю войну в армии Рокоссовского, комбат, сразу поверил, когда Саша заявил ему, что вылетится, поступит в институт и станет полноценным человеком? Для Александра Людвиговича это загадка. Может быть, просто пожалел сына, зная, что медицина на его вопросы ответа не дает. А может, поверил в действенность главной черты сыновнего характера — одержимость, с которой Саша сизмалства кидался в самые разные дела и увлечения — от радиотехники до медицины.

И Комаров становится... революционером — подпольщиком. И поступает в институт, пройдя все медкомиссии и получив необходимые справки. Поступает обычным порядком и с обычным диагнозом: «Здоров». Он совершает революцию в слуховом протезировании: изобретает и изготавливает маленькое, совершенно невидимое снаружи устройство. Называет его «совмещенным протезом барабанной перепонки и слуховых косточек». Принципиальная новизна аппарата — отсутствие какой-либо электродинамики и батареек, постоянная близость которых, как утверждают многие исследования, уху вредна.

Обманывать врачей он научился не сразу. Еще была своя система аутотренинга, позволившая Александру восстановить стереофоническое восприятие и равновесие при ходьбе. Как у вернувшегося Бог знает откуда космонавта...

— Это вроде ваших очков, — объясняет Комаров. — Только вынимаю я их гораздо реже. Вот этой самой спицей. А так — с ними можно плавать, 12 лет я занимался борьбой...

Если уподобить слуховой нерв проводу, а барабанную перепонку и слуховые косточки — микрофону в телефонной трубке, то ухо Комарова — это нормально функционирующий провод, а вот микрофон удален. Таких патологий тысячи, тысячам людей комаровские протезы могут вернуть все.

Но о том, что его открытие — это шаг вперед, переводит медицинских журналов не пишут. Если он покажет свое изобретение, не исключено, что его официально зарегистрируют. Не исключено. Но абсолютно точно, что в таком случае инвалида отчислят из института. А Комаров совершенно не хочет терять карт-бланш, который он сам себе выдал. И поэтому вплоть до 86-го года его тайну знают только ближайшие друзья и профессор-фонiatr Ральф Райкин из Ленинградского института уха, горла и носа.

Комаров никому не пытался ничего доказывать. Он просто всегда хотел заниматься

любимыми делами, коих — множество. Эта разносторонность создала ему репутацию человека «с сумасшедшиной». И еще, может быть, резкие жесты и речь — то скороговорка, то паузы.

Сенсацией было воспринято на Кировском заводе, где после ВЗИИТа Комаров работал засекреченным инженером-оборонщиком, когда он вдруг поступил... сразу на два отделения — вокальное и музыкально-театральное — Ленинградской консерватории.

И за все время учебы и после ни одна преподавательская и студенческая душа не догадывалась о недуге солиста-тенора с «пятерочным» дипломом...

Мало кто знал об этом и в театре Музыкальной комедии, где некоторое время работал Комаров. Он умудряется петь, не отрываясь при этом и от «основного производства».

В театре Комаров встречает своего приятеля по консерватории В. Рылова, дирижера, успешного уже к тому времени поднять из «оркестровых ям» на сцену поочередно оркестры Бурятского и Пермского оперных театров, театра Русского классического балета. Вскоре Рылов принимает под свою дирижерскую палочку Российский оркестр кинематографии, а Комаров становится его спонсором, будучи президентом фонда «Меленат», капитал которого куется на конверсии высоких технологий. Сейчас Комаров готовит с оркестром концертную программу — арии из «Риголетто», песни из репертуара Марио Ланца.

Ученых степеней Александр Людвигович не имеет. Пытался, правда, в консерватории писать диссертацию «О влиянии католицизма на музыку католических стран», да тему тогда «зарубили». Сейчас «доктора» предлагают ему сразу два зарубежных института, работающих в области слуха: за годы подполья Комаров стал просто крупнейшим специалистом во всем, что связано с человеческим ухом и средой его звукового окружения. Выступает на разных конгрессах фониа-ров. Основная программа его фонда — «Слух и тишина», занимается глобальными исследованиями в этой области и конкретными медицинскими проектами.

Пока серийное производство комаровского протеза налаживается в Италии. Но вскоре, года через два, как обещает Александр Людвигович, центры слуховой реабилитации по его системе появятся и у нас. А пока...

— Ни намека, — улыбается Комаров. — Конструкция настолько проста, что по двум фразам описания ее может собрать любой технар. Приходится принимать разные меры предосторожности для сохранения коммерческой тайны: ведь мой механизм, стоящий копейки, заменит многие виды протезов, цена которых на Западе составляет 200—250 долларов.

Ю. ЛЬВОВ.